

Виктор Моисеевич Далин

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

по записным книжкам А. З. Манфреда

Французский ежегодник 1981

М.: Наука. 1983. С.166-175

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Ссылки на материалы по теме даны нами в конце статьи.

Альберт Захарович оставил после себя очень обширный архив, охватывающий все периоды его жизни. В нем сохранились его самые ранние литературные работы, относящиеся еще к первой половине 20-х годов: первая небольшая повесть «Рассыпавшаяся глыба» — своеобразная «семейная хроника», написанная в 1923 г., десятки стихотворения — в черновиках и в перебеленном виде (часть из них хранил близкий друг его юности А. Апполов, в том числе и первые опубликованные стихотворения в «Псковском набате» и «Комсомольской правде»); первая тетрадка о Великой французской революции еще 1923 г. Сохранились его первые публицистические и литературно-критические статьи в газетах Иваново-Вознесенска и Ярославля, где в 30-х годах работал Альберт Захарович, любопытное письмо Н. К. Крупской с отзывом на его брошюру «Циммервальдское движение в Швейцарии». Он не прекращал своей чисто литературной деятельности и в последующие годы — во второй половине 30-х годов у него была написана целая тетрадь стихов, а в 60-х годах, вскоре после книги о Марате (1962), он написал большую «Повесть о белых медведях», почти на 300 страницах, посвященную саратовскому периоду его жизни.

Альберт Захарович имел обыкновение в начале каждого года собирать все относившиеся к предшествующему году документы в отдельный пакет и откладывать их в свой архив. С содержанием этих пакетов еще никто не знакомился. Предстоит большая, трудоемкая, упорная работа по изучению всего этого большого рукописного фонда. Однако уже сейчас, в связи с 75-летием со дня рождения Альберта Захаровича, мне хотелось бы ознакомить читателей с одним неизвестным документом — его записными книжками за последние годы его жизни (1970—1976 гг.). В толстых тетрадях, озаглавленных «Day-books», он вел каждодневную запись всех своих дел, заседаний, встреч, посещений. Записи по большей части носят очень краткий, хроникальный характер, но в них нередко попадаются яркие мысли, наблюдения, сведения, которые будут неценны для его будущих биографов. Наибольшее впечатление на меня лично произвели те страницы, на которых Альберт Захарович делал записи о своем физическом состоянии. Многим, особенно после ошеломляющего успеха «Наполеона Бонапарта», могло казаться, что Альберт Захарович был «баловнем судьбы». Между тем скудные записи в «Day-books» показывают, какие все нарастающие физические страдания испытывал он, хотя буквально до последнего дня своей жизни не сдавался, не подавал вида, какого труда ему стоило продолжать свою напряженную работу.

* * *

Каждый, кто сколько-нибудь близко сталкивался с А. З. Манфредом, знал, какое большое место занимала в его жизни литература. Нередко в серьезных разговорах он цитировал стихи, чаще всего своих любимых поэтов Пастернака и Мандельштама. Заходя к нему на квартиру, в его кабинет, всегда можно было увидеть на столике у дивана, на полу, на многочисленных научных книгах, рукописях томики прозы и стихов. Как и «Day-books» это еще раз доказывает, каким живительным источником была для Альберта Захаровича художественная литература.

В прозе, судя по записным книжкам, он отдавал решительное пред-

почтение русским классикам. Пожалуй, любимым его писателем был Тургенев, особенно ценил его язык («о великий, могучий русский язык!»), описания природы. Он его часто перечитывал, в 1970 г., например, судя по записям, он читал «Отцы и дети», «Дым». Очень любил и перечитывал «Асю», «Первую любовь», «Вешние воды». С наслаждением перечитывал он и Чехова: «Невесту», «Ионыча», «Попрыгунью». При чтении каждого из этих произведений он отмечал: «Очень хорошо». Такая же запись 7 ноября 1970 г. о «Трех сестрах»: «Ни одного лишнего, неверного слова». Так же, как и Тургенева, любил он и Л. Толстого. В 1971 г. он наслаждался «Войной и миром»: «Очень хорошо». Правда, о дневниковых записях Льва Толстого он с огорчением констатировал: «Удручает резонанство» (12 ноября 1975 г.). С восторгом пишет он о Лермонтове: «„Княжна Мэри“ — очень хорошо, как будто наш современник». Среди других книг — «Кюхля» Тынянова, Герцен, Карамзин. Из поэтов — Блок, Анна Ахматова, И. Эренбург (с которым Альберт Захарович был дружен). О стихах Эренбурга он пишет: «Хорошо, а все же не дотягивает. Лучше: „Я смутно шел и неуверенно“, 2—3 строки, а остальное необязательно». О Блоке есть такая запись (24 февраля 1971 г.): «Проснулся ночью. Читал „Дневник“ Блока. Много мелкого». Найдя у Блока чрезвычайно лестный отзыв об известном критике XIX в. Аполлоне Григорьеве, Альберт Захарович сам прочел его и пришел к выводу: «Преувеличение, очень свойственное Блоку». Заметим, что в «Day-books» отмечено далеко не все, что читал их автор, и в частности совершенно не упоминались научные труды. О них, очевидно, автор записей делал заметки в других своих рукописях. Достоевского Альберт Захарович вообще недолюбливал. Помнится, в редакции «Французского ежегодника» он отверг очень интересную статью «Достоевский и Коммуна», считая, что в ней необоснованно идеализируются взгляды Достоевского. Просмотрев спектакль «Село Степанчиково и его обитатели», Альберт Захарович возмущенно записал: «Играют хорошо, но пьеса мерзкая, гадость, не трогает, скучно и противно» (запись 1971 г.). Правда, о фильме «Игрок» — по сюжету Достоевского — он отозвался положительно.

Разумеется, русской литературой он не ограничивался. В «Day-books» есть записи о чтении Гонкуров, А. Мюссе «Исповедь сына века», «Индианы» Жорж Санд, сборника «Цветы зла» Шарля Бодлера, Эдгара По, «Смок Белью» Джека Лондона, новейших пьес Ануйя. Очевидно, еще в юности у него сложились прочные симпатии к Кнуту Гамсуну, пользовавшемуся в начале XX в. огромным успехом в России. Читая (в 1971 г.) какую-то повесть в журнале «Москва», Альберт Захарович с похвалой отозвался о ней и охарактеризовал ее героя: «Такой сельский лейтенант Глан».

В записных книжках много записей о фильмах. Во время своих поездок в Париж, особенно первых, Альберт Захарович довольно часто посещал кино. Помню, хвалил картину о мексиканской революции с участием Брижит Бардо и Жанны Моро. Но в записях отмечен лишь просмотренный им в Москве (15 мая 1973 г.) фильм «Набережная туманов», «очень старый французский фильм с молодым Жаном Габеном и Мишель Морган в беретике — красивость 30-х годов — с превосходно, лучше всех играющей собакой, фильм трогательный, как напоминание минувшей эпохи, наивный, с убийствами, трупцами, трагическим концом, но в целом превосходный».

Таких отзывов, однако, немного, большинство же носит более критический характер. Так, о фильме С. А. Герасимова «Журналист» он пишет: «Интересно, очень профессионально; очень точно в смысле речи, и все-таки в главном что-то фальшиво, светско-великосветская красивость».

Конечно, наиболее интересен отзыв о «Ватерлоо» С. Бондарчука — отзыв лучшего знатока в нашей стране наполеоновской эпопеи, отзыв действительно мастерский. А. З. Манфред отмечает ряд слабых сторон

фильма, прежде всего «неестественный английский язык в устах Наполеона». Основной упрек — неверная характеристика Веллингтона. Веллингтон — ровесник Наполеона, «в фильме он много моложе; моложе и красивее. Веллингтон героизирован, а ведь в ситуации Наполеон — Веллингтон в какой-то мере повторялась коллизия Моцарт — Сальери. У Бондарчука — Веллингтон, что угодно, но не Сальери. В первых сценах много исторических неточностей и несообразностей» (31 августа 1971 г.). Все же определенные достоинства за фильмом Альберт Захарович признает: «Очень хорошие массовые сцены (в особенности въезд в Париж, батальные сцены)». Стайгер, исполнитель роли Наполеона, «превосходен». Альберт Захарович собрался выступить о «Ватерлоо», его об этом, кажется, просили, но потом отказался. Биографию Наполеона он знал в совершенстве и рассказывал, что во Франции посетил городок, где Наполеон начал свою офицерскую службу. При этом он поразил окружающих, в том числе военных, исчерпывающим знанием всех малейших деталей жизни Наполеона. Как совершенно справедливо указывает С. В. Оболенская в своих воспоминаниях, А. З. Манфред не только знал, но и *видел* своих героев, как он *видел* Робеспьера в его почных прогулках по Парижу, с собакой, в предтермидорианские недели.

В записных книжках сохранилось несколько отзывов и о спектаклях. Так, после просмотра «Обыкновенной истории» (в «Современнике», 8 ноября 1971 г.) он очень похвалил Табакова. Во всех этих оценках обращает на себя внимание твердый, уверенный тон, зоркость глаза, тонкий художественный вкус, хотя, конечно, некоторые из отзывов и являются спорными.

Наблюдательность чрезвычайно ярко проявляется в «Day-books» Альберта Захаровича. Он недаром считал себя «физиономистом» и был уверен в том, что очень редко «ошибается в людях». Приведем только один пример. 15 января 1975 г. его познакомили с одним молодым человеком, и Альберт Захарович тут же набросал — иначе не назовешь — его портрет. «Молод, легок, приятен, немногословен, знает себе цену, избалован, но, „im ganzen“ приятен»¹. Едва ли в этом моментальном рисунке он ошибся!

Поразительную наблюдательность — и любовь! — проявлял Альберт Захарович в своих описаниях природы и недаром он так высоко ценил Тургенева. Особенно он любил наступление весны. Вот запись 28 мая 1971 г.: «Ходил в лес: все распустилось, первые маленькие листки у дуба, начала цвести вишня, на соснах маленькие еще свечи. На елях желтые свечечки — будущие лапочки». Через неделю следующая запись: «Очень тепло; весь сад в цвету — яблони, вишни, такого цветения еще не было; у сосен порядочные свечи, дуб распустился, но еще не в полный рост. У елей желтые почечки, но еще не в полный рост, а в середине у ели зеленые лапки». 19 июня: «Свечи у сосен очень выросли. Большие лапки у елей. У елей стали расти султаны. Появились ягоды у клубники, вишни, крыжовника. Высокая трава, пышное цветение июня. Началось лето».

Приведем еще только одно описание осени: «Пошел в лес, желтеют листья, но трава зеленая, еще не поздняя осень; в лесу не встретил никого: прошел через болото в рощу. Очень тихо, слегка шумит лес; редкие птицы куда-то все улетают. Листья берез оранжевые; светятся изнутри. Пошел снег хлопьями. Когда возвращался, уже не было зеленой травы; все бело. Зима осенью». У Альберта Захаровича был острый глаз наблюдателя; это было его неотъемлемое свойство.

* * *

«Day-books» помогают восстановить творческую биографию А. З. Манфреда в эти последние годы, в частности историю написания последней его книги «Три портрета».

¹ «Im ganzen» — в целом, в общем (нем.).

26 декабря 1970 г. Альберт Захарович закончил с издательским редактором работу над «Наполеоном Бонапартом», книга ушла в типографию. 18 сентября 1971 г., судя по записи, ему привезли первые экземпляры книги. Помню, что с утра в этот день сотрудники нашего сектора были взволнованы. Во все концы Москвы отправились они по книжным магазинам на поиски книги. «Раскупается нарасхват», — записал Альберт Захарович 20 сентября. Книга сразу произвела огромное впечатление даже на самых строгих и взыскательных читателей. Несколькими отзывами записано в «Day-books». «Такой успех бывает раз в сто лет», — заявил автору известный советский историк В. М. Турок (28 октября). «Таких книг не было много лет», — так оценил «Наполеона» А. В. Ефимов, известный американист, член-корреспондент Академии наук (4 ноября 1971). Этот успех шел, все возрастая. «Année napoléonienne» («наполеоновский год»), — так записывает Альберт Захарович в разделе «Bilan de l'année» («итог года»), которым он имел обыкновение завершать год. И конечно, в эти скупые строки он не занес и сотой доли тех восторженных отзывов, которые слышал со всех сторон — в его архиве сохранилось больше 500 читательских писем, адресованных автору «Наполеона». (Но не обошлось и без выступлений некоторых его крайне немногочисленных противников, и они очень больно задевали легко ранимого Альберта Захаровича.)

«Наполеон» вышел, когда А. З. Манфреду исполнилось 65 лет. Казалось, можно было бы приостановиться, «почтить на лаврах». Но он недаром называл себя «пишущим человеком» — величайшее наслаждение доставляло ему творчество. Он оживал, когда писал, особенно то, что ему хотелось, что его интересовало.

1 октября 1972 г., через год после выхода «Наполеона», в «Day-books» появляется запись:

«7 портретов:

Вольтер

Руссо

Мирабо

Дантон

Робеспьер

Марат

Сен-Жюст».

Сбоку записи сделана пометка: «Можно заменить Вольтера Верньо». Об этом замысле — менее определенно — Альберт Захарович говорил мне как-то по пути в институт. Он называл и другие фамилии, среди них были Россиньоли и Реаль. Я сказал тогда, что и сам думал о них. Когда под руководством В. П. Волгина и А. З. Манфреда я работал над изданием Сочинений Марата, на меня произвели большое впечатление напечатанные уже в последних номерах газеты, незадолго до убийства «Друга народа», письма Россиньоля, в момент его внезапного смещения с поста командующего армией в Вандее и ареста, и хотелось о нем написать. Судьба Реаля — блестящего защитника бабуистов на Вандомском процессе, а позднее любимца Наполеона, поручавшего ему самые неприятные операции (в деле герцога Энгиенского, при смещении Фуше), одного из самых ярких персонажей «Словаря флюгеров» («Dictionnaire des girouettes»), выпавшего во время Реставрации, издавна меня интересовала. Узнав об этом, Альберт Захарович с присущим ему рыцарским великодушием от своего намерения отказался.

Он немедленно принялся за Руссо, которым всегда интересовался, писал о нем, очень тщательно редактировал том его «Трактатов», подготовленный В. С. Алексеевым-Поповым. В его кабинете одно время всюду видны были книги Руссо. «Rousseau — toujours Rousseau», — такова одна из записей в «Day-books».

19 января 1973 г. Альберт Захарович делает такую запись о предмете, всегда его интересовавшем, — о языке: «Одна из главных трудностей человеческой речи в том, вероятно, и состоит, что она требует адекватного воспроизведения обстоятельств, образа действий и в особенности мысли, весьма точных, взвешенных, единственно необходимых определений и слов. Говоря по правде, даже опытным, искушенным в

тайнах мастерства литературы это удается довольно редко». И тут же добавляет о Руссо: «Руссо с юных лет обладал удивительной способностью — это надо признать особым природным даром — легко и поразительно просто и точно формулировать, передавать словами свои мысли».

Руссо в это время непрерывно занимал его мысли. Уже позднее, в 1974 г., как-то слушая беседу Майи Плисецкой о балете, Альберт Захарович неожиданно записывает одну из своих интереснейших мыслей о Руссо: «Возникли некоторые мысли о Руссо. Главное в Rousseau — это отрицание окружающей лжи, фальши, лицемерия. Rousseau — это восстание. После признания, после славы он все отвергает. Его сила в том, что, не довольствуясь личным компромиссом, он все отвергает и все отрицает. Робеспьер и Марат перевели этот моральный бунт на язык политических действий» (12 октября 1974 г.).

17 октября 1973 г. Альберт Захарович выступил на заседании французской группы Института всеобщей истории с докладом о молодом Руссо (в 1974 г. в «Новой и новейшей истории» появились две его статьи, очевидно уже законченные ко времени его доклада). Я присутствовал на этом докладе, по просьбе докладчика даже председательствовал на собрании. Как всегда, он говорил очень легко, увлеченно. Все присутствовавшие на заседании, все выступавшие — помню выступление Н. Е. Застенкера — поражались тому, как быстро и с каким успехом Альберт Захарович перешел от труднейшего исследования о Наполеоне к другой, тоже по-своему сложной и дискуссионной теме. Никто, однако, из нас не подозревал, в каком тяжелом физическом состоянии читал он этот свой, казалось, легко ему дающийся прекрасный доклад.

Между тем уже 28 октября 1972 г. — за год до доклада о Руссо — в «Day-books» появляется запись: «Мечтал уехать домой. До станции дошел еле-еле. В Москве отошел». Через три дня А. З. Манфред уже ехал в Брюссель как один из членов советской делегации на предстоящую конференцию по европейской безопасности (первая чисто политическая поездка ученого, ставшего после «Наполеона» широко известным во всей стране). А через месяц — короткая, но зловещая запись: «Кризис: трудная ночь» (22 ноября 1972 г.).

Альберт Захарович болел и раньше, но тогда мы не встречались. Мы вместе учились в 1928/29 г. в семинаре, руководимом Н. М. Лукиным, по истории французского социализма после Коммуны. Но вслед за этим наши пути разошлись, и мы встретились только через 15 лет. Во время нашей встречи он был болен, лежал, но глаза его были живыми. При следующем свидании он уже сидел, мы увлеченно беседовали о Шарле Пеге (он сообщил мне о появлении книги Ромена Роллана о Пеге), и, казалось, его здоровье не вызывает никаких опасений. Недомогания случались у него и позднее, но он как-то не показывал этого, не разрешал себе «демонтироваться», как правильно вспоминает С. В. Оболенская. Только сейчас, читая эти записи, я впервые понял, с каким мужеством и самообладанием переносил Альберт Захарович физические страдания, скрывая их, сохраняя внешне обычный вид, не нарушая ритма работы.

Летом 1973 г. Альберт Захарович опубликовал в «Правде» превосходно написанную статью «Свет над Европой». Но она нелегко ему досталась. «Предельно устал, еле доехал», — записывал он 27 июля. Все лето он работал и писал о Руссо. Но, когда он делал в октябре свой доклад на французской группе, у него утром было высокое кровяное давление, но никто из нас этого не заметил. Так он владел собой!

20 октября 1973 г. Альберта Захаровича постигло личное несчастье. Во время свадьбы его дочери пришло известие о неожиданной кончине сестры. Он немедленно отправился к ней на квартиру и провел около уснувшей почти всю ночь. «Какая ужасная ночь в этой комнате» (21 октября 1973 г.), — записал он. Но несмотря на эти удары он все-таки продолжал работу. 25 октября запись: «Какое блаженство. Три дня паузы. Никуда не надо!» — и тут же: «Обещал сделать Собуля (предисловие к

переводу его книги «Первая республика». — В. Д.), может быть, удастся». Через три дня вздох облегчения: «Всего за день написал 12 страниц — рекорд». Предисловие было закончено.

Такая нагрузка не могла пройти безнаказанно. 12 ноября 1973 г. появляется запись: «У Ж[укова Е. М.] почувствовал себя снова плохо. Мне казалось тогда [это написано позднее], что я не выдержу и упаду, как Гаспарен, от перенапряжения сил». И все же на следующий день, 13 ноября, он делает доклад в Отделении истории Академии наук, а 22 ноября участвует в обсуждении «Наполеона» в Исторической библиотеке. Я был на этом заседании, слушал выступление Альберта Захаровича, и мне, как и всем другим, и в голову не приходила мысль, что десятью днями раньше так спокойно выступавшему автору «Наполеона» казалось, что он уже у порога земной черты.

В «черной книге» за 1973 г. появляется и такая мрачная фраза: «Уже вечер. Возможно, не хватит ни на что» (7 апреля). Но такие мысли Альберт Захарович, видимо, старался от себя отгонять. Он должен был завершить свою плановую работу «Образование русско-французского союза», а из «Портретов» почти закончен был только Руссо. Ко всему этому добавлялись многообразная, каждодневная работа по руководству сектором новой истории, аспирантами, чтение рукописей и внеочередные внезапные поручения и поездки.

Как бесконечно сложен был этот труд, можно судить по «Bilan de l'année, 1974». И все же за этот год им были опубликованы, судя по этой записи:

1. «Russie — France. France — URSS» (Прогресс).
2. Две статьи «Молодой Руссо» («Новая и новейшая история», № 4—5).
3. Болгарское издание «Наполеона Бонапарта».
4. СССР — Франция (ст. в «Международной жизни», № 4).
5. СССР — Франция. История и современность («Правда», 26 ноября).
6. Рецензия на книгу И. И. Минца («Октябрьская революция» — «Наука и жизнь», № 11).
7. Рецензия на книгу Д. В. Свенцицкой (о Фр. Платтене — «Новая и новейшая история», № 6).

8. Предисловие к книге А. Соболя («Первая республика»).
9. Предисловие к духотмнику Г. Серебряковой.

В том же году состоялась командировка в Болгарию, где он прочитал курс лекций, а осенью — поездка во Францию, в Лион, где состоялся коллоквиум, посвященный франко-советским отношениям.

В этот список включены только опубликованные в этом году работы. Но в то же самое время Альберт Захарович работал над своим трудом «Образование русско-французского союза». Он ни в коем случае не хотел быть должником по этому плановому заданию и справился с ним в срок. 26 мая в «Day-books» подводятся итоги за май 1975 г.: «Закончена полностью работа с Ю. И. Хаинсон (редактором изд-ва «Наука». — В. Д.). Книга пошла в типографию». И немедленно же, 12 июня, следует запись: «Мирабо».

Этот замысел написать биографию Мирабо возник уже давно. У меня он не встретил поддержки — мне казалось очень трудным сказать что-либо о Мирабо положительное после того, что было принято называть «la Grande trahison du comte de Mirabeau» («великая измена графа Мирабо»), правда, и у Бабефа я нашел теплые слова в адрес Мирабо, относящиеся к 1789—1790 гг. Но, к счастью, мои возражения и сомнения не произвели никакого впечатления. Альберт Захарович уже «видел» Мирабо — и удержать его пикто не мог. Весь июнь — июль 1975 г. он уже занят, судя по «Day-books», Мирабо. Но был один могущественный фактор, мешавший осуществлению его замысла, — все усиливающееся физическое недомогание, и с ним Альберт Захарович вступил в единоборство.

«Трудное лето», — писал он о лете 1974 г. Но и лето 1975 г. было не легче. Начиная с 23 августа следуют почти непрерывно записи о

болезни. 18 сентября запись совсем тревожная: «Началось с острой боли, сидел в саду, но... никто не заметил» (не этот ли эпизод описал Альберт Захарович в своем великолепном очерке «Смерть Руссо?»). Но твердое намерение продолжать превозмогало все. Он прибег к услугам стенографистки, писать самому было в этот момент трудно. 14 октября он записывает: «Начались сильные боли; очень медленно приходил в себя». 27 октября: «Совсем плохо себя чувствовал; черная собака в Болшеве — лет 12 назад, все вспоминаю ее».

29 октября снова запись: «Плохо чувствовал себя весь день; выступал на заседании у Салычева (Мальков)»². Я присутствовал на этом заседании. Альберт Захарович к тому времени несколько осунулся — сказывалась болезнь, но, как всегда, внешне подтянутый, спокойный, уверенный. Его выступление все слушали с напряженным вниманием. А через два дня, 1 ноября, запись: «Вечером совсем плохо себя чувствовал». С радостью встречает он праздники: «Чудесные праздники, оба — дома; никто не приходил. Тихо». Можно почти не сомневаться: Альберт Захарович в эти дни писал.

Наступил роковой 1976 год. Он начался плохо. Об этом свидетельствуют почти все январские записи.

Как только возник небольшой просвет и Альберт Захарович освободился от «мучивших» его неотложных дел, в «Day-books» радостная запись от 26 февраля: «Вернулся к Мирабо». На следующий же день: «Занимался снова Мирабо».

Близкие Альберту Захаровичу передавали, что ему были важны «положительные эмоции», скрашивавшие его нелегкую в эти годы жизнь. И таким радостным переживанием явилось сообщение из Праги 1 марта, что там вышел «ярко изданный „Наполеон“ в 54 500 экз. (+45 тыс. на словацком языке)».

Дальше шли снова трудные дни. 1 апреля Альберт Захарович уехал в Малевку, в писательский дом творчества, куда в последние годы он очень любил ездить и где обычно сравнительно быстро приходил в себя. Так было и на этот раз: уже 2 апреля — через день после приезда! — в «Day-books» отрадное сообщение: «Робеспьер». Это значило, что второй раздел книги — «Мирабо» — приведен в основном в порядок и что пришла пора для третьей части триптиха — Робеспьер.

В мае 1976 г. Альберт Захарович вернулся в Москву. Предстоял во Франции очередной франко-советский colloquium историков. Но внезапно заболела нога. Врач предписал постельный режим. Возник вопрос: ехать или нет? Решение было категорическим: он едет! С 11 мая, судя по «Day-books», он лежал, а 14 мая вылетел в Париж. Дочь его И. А. Манфред рассказывала, что в машину, направляющуюся в аэропорт, они садились с трудом, со всеми предосторожностями, настроение было напряженное. Но как только вошли в помещение аэровокзала и Альберт Захарович встретился со своими спутниками по поездке, он преобразился, это был прежний Манфред.

Поездка продолжалась десять дней. Работа colloquiuma происходила в Париже и Дижоне; Альберт Захарович прочитал доклад «О некоторых неразрешенных проблемах французской революции»³ и съездил (с французским историком Даниэлем Лигу) в «наполеоновские места», осматривал помещение, где жил «лейтенант Буонапарте».

Мы все в тревоге ожидали возвращения — беспокоила возможность осложнения, — и в этом случае неизбежная операция. Утром в день приезда я позвонил, в ответ слышу веселый голос и приглашение зайти. В квартире меня встречает очень оживленный Альберт Захарович — ни малейших следов заболевания!

² С. С. Салычев — заведующий сектором международного революционного движения. На заседании обсуждалась глава В. Л. Малькова, написанная для 4-го тома «Международного рабочего движения».

³ Доклад опубликован во «Французском ежегоднике, 1976» (М., 1978).

24 июня одержана огромная победа — рукопись, которая писалась с такими трудностями, «сдана». Остается последняя стадия — издательская редакция. В эти же дни А. З. Манфред подписывает договор на поую книгу «Руссо и его время» — 25 листов. Срок сдачи намечен — 1 июля 1977 г. Тогда же ведутся переговоры об издании книги, посвященной художнику Давиду. Альберт Захарович полон творческих планов на будущее.

28 августа. «Hélas!» (увы!), — записывает Альберт Захарович, — 70 лет». К этой дате институт готовился, но встретил категорическое сопротивление самого юбиляра (так было и с шестидесятилетием, но тогда настоял А. И. Штрахов, бывший заместителем директора института, большой его поклонник). На этот раз настойчивость Альберта Захаровича победила, но все же он отметил, что получил около 70 телеграмм. И еще на следующий день он записал пронически: «Продолжался поток приветствий».

Утром делегация сектора — С. В. Оболенская, С. Н. Гурвич, И. И. Сиволап, А. С. Намазова и я — посетила юбиляра. Опять чудо — почти никаких следов совсем недавнего кризиса. Я невольно подумал, что у него есть какая-то (по Бергсону) «*élan vital*» — «жизненная сила».

Перед нами был сердечный, благожелательный, приятнейший человек, встретивший радушно своих любимых учениц. Вечером собралась семья, близкие друзья — «родные трех потоков, очень дружно и хорошо». Альберт Захарович произнес небольшую речь, очень взвешенную, продуманную, где каждому из присутствовавших он сказал теплые слова («*éloge*», как он любил говорить). Ничто не предвещало в эти минуты страшного конца.

За эти месяцы мне, правда в домашней обстановке, приходилось видеть Альберта Захаровича в плохом состоянии. Помню, еще в конце декабря 1975 г. он позвал меня к себе, чтобы подарить только что вышедшую книгу «Образование русско-французского союза». Разговор велся сперва обычно, непринужденно. Вдруг я увидел, что он чувствует себя плохо. Я поднялся, но он настоял, чтобы я подождал, пока он сделает надпись на книге. Я вышел с тяжелым чувством. К счастью, обошлось, все тот же «*élan vital!*»

4 сентября читаем спокойную запись: «Осень: прозрачно, светло; желто-золотистая листва сентябрьского вяза. Тепло, нежаркое солнце, глубокая, нерушимая тишина; осенняя одинокость».

Но дальше идут одна за другой все более удручающие записи: «Чувствовал не очень хорошо» (6 сентября); «С трудом съездил на машине, болел, лежал» (23 сентября); «с утра весь день болел и лежу; обострение язвы» (24 сентября); «Болел, боли, весь день болел — не работал» (28 сентября). На следующий день, 29 сентября, запись еще более безрадостная: «Весь день болел, лежал, но не помогало. Поздно вечером — приступ слабости — сердечной и душевной. Пришла Надя⁴, стало легче».

Альберт Захарович продолжал все же работать, 3 октября он отмечает, что «кончил статью». Больше того, он принял приглашение поехать в Польшу на международный colloquium историков, посвященный модной проблеме «элиты и ее роли в XVIII — начале XIX в. «После обеда, — записал он 25 октября, — мой доклад; болел, но выдержал». Обычно с таких colloquiumов он приезжал в бодром настроении. На сей раз этого не было: он только отметил: «Счастлив, что дома». И все же он не дает себе отдыха. Уже на следующий день он записывает: «Хороший день, отдых; работал».

Через три дня, 3 ноября, он выступает на ученом совете об издании, совместно с историками ГДР, сравнительной истории буржуазных революций и об издании первого тома Сочинений Бабефа. Он придавал этому изданию исключительно большое научное значение, участвовал во

⁴ Супруга А. З. Манфреда — Н. В. Кузнецова.

всех стадиях его подготовки, в совещаниях с Альбером Собулем. Был членом редколлегии, очень внимательно читал первый том еще в рукописи и сделал ряд существенных предложений.

В эти дни издательский редактор дал ему рукопись «Трех портретов» со своими поправками. Несмотря на тяжелое состояние, Альберт Захарович незамедлительно все возвращал. 11 ноября — «сдал Руссо, взял Мирабо». 23 ноября — «плохо спал»; 5 декабря — «весь день чувствовал себя неважно». И все-таки Альберт Захарович продолжал активно заниматься сектором. 6 декабря рассматривалась книга М. И. Ковальской — «интересное, квалифицированное обсуждение». 7 декабря он заканчивал редактирование «Мирабо».

В те дни меня не было в Москве. Когда я к нему зашел, он, как обычно в последнее время, лежал на диване. Он явно был расстроен: оказалось, что он должен ехать во Францию на политическую конференцию в Руай-Моне. Чувствовал он себя плохо, поездка была ему не под силу, но он считал невозможным отказаться. Я видел впоследствии фотографический снимок его во время речи в Руай-Моне — изможденное, усталое, исхудалое лицо, — и все же он выступал, по общим отзывам, прекрасно.

Я знал, что Альберт Захарович должен вернуться 15 декабря, но как-то постеснялся звонить ему сразу же. Я позвонил на следующее утро и услышал неожиданный страшный ответ.

* * *

«Три портрета» вышли в начале 1978 г. Книга имела огромный успех. Ее читали, читают и будут читать десятки и сотни тысяч. Пусть же они знают, что только благодаря своей непреклонной воле и живейшей увлеченности темой автор преодолел все страдания последних лет жизни и довел до конца последнюю свою блистательную книгу.

Собрание работ А.З.Манфреда и материалов о нем:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#manf>

А.Манфред. Жан-Жак Руссо и его время
http://vive-liberta.narod.ru/journal/rousseau_manfres_fe-81.pdf

А.Манфред. Историческое значение и традиции Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/journal/commune_manfred_nin-61.pdf

А.Манфред. Споры о Робеспьере: к 200-летию со дня рождения
http://vive-liberta.narod.ru/journal/robsp_manfred.pdf